

В. К. Мюллер

Пушкин и Шекспир

Первая публикация

Драма и театр эпохи Шекспира

Новое издание, исправленное

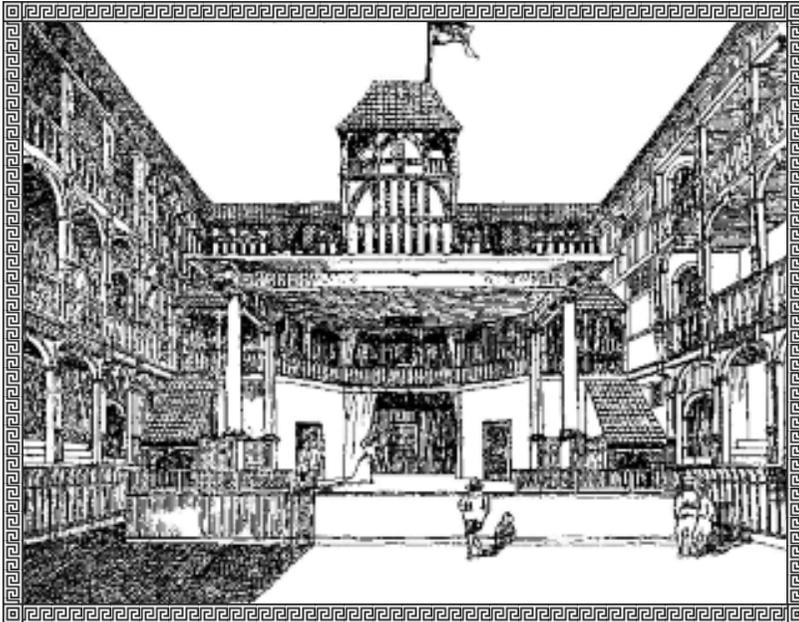
Научная редакция, дополнения и предисловие

доктора филологических наук

Д. И. Ермоловича

Москва
AUDITORIA

AUDITORIA

УДК 821.111-2:821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1+83.3(4Вел)+85.334.3(3Вел)
М 98

Научно-учебное издание

Мюллер, В. К.

М-98 Пушкин и Шекспир; Драма и театр эпохи Шекспира / Публикация, научн. ред., доп. и предисл. проф. Д. И. Ермоловича. – М.: Аудитория, 2015. – 358 с. ISBN 978-5-9905339-4-3

В книгу вошли два блистательных труда выдающегося отечественного филолога Владимира Карловича Мюллера (1880–1941). Один из них — монография «Пушкин и Шекспир», содержащая глубокий сравнительный анализ драматургического творчества двух великих поэтов, — публикуется по архивной рукописи и впервые вводится в научный оборот. Другое произведение — монография «Драма и театр эпохи Шекспира» — вошло в золотой фонд шекспироведения, но не издавалось с 1925 г. и было до сих пор библиографической редкостью.

Издание осуществлено под научной редакцией, с предисловием и дополнительными примечаниями видного российского лингвиста доктора филологических наук, профессора Д. И. Ермоловича.

УДК 821.111-2:821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1+83.3(4Вел)+85.334.3(3Вел)

ISBN 978-5-9905339-4-3 © Ермолович Д.И., 2015 г. (предисловие, примечания, дополнения)
© Изд. «Аудитория», 2015 г. (составление, оформление)

В оформлении обложки использованы репродукции картин:
О. А. Кипренский «Портрет А. С. Пушкина» (1827) и
К. Кёлер «Отелло у постели спящей жены» (Christian Köhler. Othello mit seiner schlafenden Frau, 1859)

Воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения данного произведения (полностью или частично) любым способом, в том числе путем перевода в электронные файлы и открытия доступа к таким файлам через телекоммуникационные сети и каналы связи, без договора с правообладателем запрещается и преследуется в соответствии с 4-й частью Гражданского кодекса РФ и Законом №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» с учетом изменений, внесенных в него Законом №364-ФЗ.

Профессор Мюллер и его вновь обретенное наследие

В ЭТОЙ книге читатель найдет два блистательных труда Владимира Карловича Мюллера, один из которых впервые становится достоянием общественности, а другой не издавался девяносто лет.

Впервые публикуется и тем самым вводится в научный оборот монография «Пушкин и Шекспир», рукопись которой (датируемая примерно 1937 годом) в силу стечения обстоятельств не увидела свет ни при жизни автора, ни в течение более чем трех четвертей века после его смерти. Возможно, она еще долго была бы обречена на забвение, если бы составителю и научному редактору настоящего издания не посчастливилось обнаружить ее в труднодоступном и почти не востребованном архиве.

Другое произведение того же автора, включенное в настоящее издание, — монография «Драма и театр эпохи Шекспира» (1925) — вошло в золотой фонд отечественного шекспироведения: ссылки на него можно найти во многих трудах ученых прошлого века — серьезных отечественных исследователей творчества Шекспира и его современников, а также елизаветинского периода в целом. Однако познакомиться с ней можно было лишь в небольшом числе научных библиотек: монография, изданная в свое время малым тиражом, давно стала библиографической редкостью, и даже в Интернете, где порой легко находятся электронные версии редких старых книг, ее воспроизведения обнаружить не удалось.

Эта книга выходит в свет в год 135-летия со дня рождения Владимира Карловича и позволяет, хотя бы в частичной мере, воздать должное этому великому филологу, лексикографу, историку и педагогу, подарив его трудам читателей, а читателям — его труды. К сожалению, этот подвижник науки и просвещения оказался на долгое время незаслуженно забыт и научным сообществом, и даже университетами и издательствами, которым он отдал много лет беззаветного служения и труда.

Благодаря рукописям В. К. Мюллера, открытым в последнее время, яснее вырисовывается масштаб его разностороннего научного наследия.

Владимир Карлович Мюллер более всего известен как лексикограф-англист. На протяжении второй половины XX века многократно и широко издавался его «Англо-русский словарь». Томик этого словаря имелся в доме практически каждой интеллигентной семьи. Но вот парадокс: о его составителе долгое время ничего не было известно. И почти никто не знал, что к моменту выхода в 1943 году первого издания популярнейшего словаря его автора уже не было в живых.

В. К. Мюллер упомянут (и то кратко, почти мимоходом) лишь в двух опубликованных мемуарных источниках: автобиографической статье Д. С. Лихачева «О себе» и «Книге воспоминаний» И. М. Дьяконова. Оба автора знали Владимира Карловича как одного из педагогов Ленинградского университета, который в 1920-е годы читал там лекции по истории английского языка и вел семинары по Шекспиру. И. М. Дьяконов вспоминает Мюллера в курьезном эпизоде из студенческой жизни, но сколько-нибудь существенных сведений о нём в этих воспоминаниях нет.

Послевоенным поколениям студентов филологических вузов и факультетов вообще ничего не рассказывали о человеке, чьим словарем они пользовались и чьи труды о Шекспире изучали. Никаких данных о нём — даже дат жизни — не было и в лингвистической литературе. Не сохранилось ни одного портрета.

Парадокс со временем усугублялся. На фамилии «Мюллер», неофициально превратившейся в словарный бренд, начиная с 90-х годов XX века стали паразитировать некоторые дельцы от книгоиздательства. Под видом «новых» и «современных» изданий «словарей Мюллера» выпускались либо плохо распознанные сканы старых словарей, либо опусы, вообще не имеющие отношения к великому лексикографу. Они были рассчитаны на неискушенных людей, помнящих, что словарем Мюллера пользовались их мамы и бабушки, но не отдающих себе отчета в том, какие грубые подделки маскируются его именем¹. В Интернете появились и их электронные версии. Всё это стало возможным именно потому, что какие-то достоверные сведения о В. К. Мюллере практически отсутствовали, а защитить его доброе имя и авторство было некому.

¹ Об этом см. подробнее: Ермолович Д. И. О «Лонгмане» бедном замолвите слово // «Мосты» №2 (22). — М., 2009. — С. 46–56. (Электронная версия статьи: <http://yermolovich.ru/index/0-69>)

Единственным несловарным произведением В. К. Мюллера, переизданным в конце XX века и даже размещенным в Интернете, был популярно-исторический очерк «Пират королевы Елизаветы» об английском пирате и адмирале Фрэнсисе Дрейке, написанный по дневникам и воспоминаниям его соратников и современников². Издательство не сочло нужным (либо не смогло) сопроводить эту книгу хотя бы краткой справкой об авторе и о других его произведениях. Многие читатели, вероятно, даже не заподозрили, что и эти «пиратские приключения», и известный словарь, не говоря уже о литературоведческих работах, написал один и тот же человек.

Автора этих строк с давних пор не покидало ощущение того, что вокруг имени профессора Мюллера образовалась зияющая информационная лакуна и что переводчики, лексикографы и литературоведы в большом долгу перед несправедливо забытым ими ученым, который заслуживает нашей благодарной памяти. Со временем это ощущение превратилось в острое желание попытаться как-то восстановить справедливость. Нужно было поднять архивы, чтобы узнать больше о Мюллере, его профессиональной деятельности, научных подходах и взглядах, да и о том, как сложилась его жизнь.

Такая работа была проведена мною в 2011 году. В архиве А. П. и В. К. Мюллеров в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге были найдены и изучены письма, автобиографические справки и другие документы, позволившие воссоздать канву жизни Владимира Карловича Мюллера и составить представление об основных этапах и важнейших эпизодах его научной деятельности. Итогом этой работы стало написание и издание очерка «Открывая Мюллера»³. Таким образом, хотя бы в первом приближении, информационная лакуна была восполнена.

Дополнительным — неожиданным и радостным — результатом архивной работы стало обнаружение двух рукописей Мюллера. Одна из них — статья «Основные принципы и методы составления англо-русского словаря», плод его многолетней лексикографической деятельности и свод тех принципов, которые он положил в основу своего

² Мюллер В. К. Пират королевы Елизаветы. — СПб.: Гангут, 1993.

³ Ермолович Д. И. Открывая Мюллера: О жизни и трудах знаменитого, но забытого лексикографа. — М.: Р.Валент, 2011. — 71 с. — (Наследие). (Электронная версия очерка: <http://yermolovich.ru/index/0-111>)

знаменитого словаря⁴. Публикация этой статьи стала, без преувеличения, событием в научной жизни: если раньше о лексикографических принципах Мюллера можно было судить лишь косвенным образом — по его словарям, то теперь, пусть и с опозданием почти на 80 лет, достоянием читателя стал труд, в котором ученый сам четко и системно изложил свои подходы и требования к написанию словарей. Многие положения и оценки, содержащиеся в той статье, или совсем не утратили, или снова обрели актуальность. Благодаря этой работе можно с полным основанием охарактеризовать В. К. Мюллера не только как великого лексикографа-практика, но и как одного из основоположников современной теории двуязычной лексикографии.

Другой удивительной находкой стала рукопись монографии «Пушкин и Шекспир». В ней Владимир Карлович — блестящий специалист по английской литературе и театра елизаветинской эпохи, пионер театроведческого изучения Шекспира — открывается неизвестной нам ранее стороной своей научной эрудиции и таланта: как выдающийся пушкинист и в целом глубокий знаток русской литературы, истории и литературной критики.

Над проблемой шекспиризма А. С. Пушкина работали в XX веке многие отечественные авторы, включая таких выдающихся ученых, как Ю. М. Лотман, Ю. Д. Левин, М. П. Алексеев и целый ряд других. Есть и труды, озаглавленные точно так же, как и монография В. К. Мюллера, — «Пушкин и Шекспир». В дальнейшем исследователи смогут определить, какие из научных выводов Владимира Карловича были повторены другими филологами, а какие открытия в этой области, может быть, так и остались принадлежать ему одному. Но в любом случае мы теперь уверенно можем назвать В. К. Мюллера первопроходцем в сопоставительном изучении творчества Шекспира и Пушкина, вообще одним из основоположников сравнительного литературоведения в нашей стране.

Владимир Карлович Мюллер родился в Москве 24 мая 1880 года в семье фармацевта Карла Мюллера, уроженца Риги. Первоначальное образование Владимир получил от своей матери, а с 1890 года учился

⁴ Мюллер В. К. Основные принципы и методы составления англо-русского словаря» / Под ред. Д. И. Ермоловича // *Ермолович Д. И. Открывая Мюллера.* — М.: Р. Валент, 2011, с. 40–67.

в московской 5-й гимназии. По окончании гимназии в 1898 году он поступил на отделение словесности историко-филологического факультета Московского государственного университета.

В МГУ Мюллеру довелось учиться у блестящей плеяды преподавателей. Профессор Н. И. Стороженко обладал обширными познаниями во всех областях западноевропейской литературы, но особый энтузиазм у аудитории вызывали его лекции и труды по английской драме (в том числе по Шекспиру). А. И. Кирпичников занимался историей русской литературы с удивительно широким охватом тем — от средневековой литературы до Диккенса и от греческого романа до творчества Пушкина. М. Н. Розанов, который в 1921 году стал академиком, был автором значительных трудов по западноевропейской литературе. Приват-доцент Е. Г. Браун, преподаватель итальянского языка, был переводчиком, литературоведом и библиофилом: собранная им коллекция книг была в 1918 году передана в библиотеку Московского университета. Этих людей В. К. Мюллер называл своими главными учителями. Неудивительно, что литературоведение и, в частности, история западноевропейской литературы стали его главным научным интересом.

По окончании учебы в 1903 году Владимира оставили при университете на кафедре истории западноевропейских литератур для подготовки к зачислению на должность преподавателя. В следующем году его командировали в Англию, где он более года (с мая 1904 года по август 1905 года) стажировался в Оксфорде и Лондоне. Осенью 1905 года Мюллера назначили на должность лектора английского языка. С этого же года он преподает и на Высших женских курсах английский язык, а затем историю западноевропейской литературы.

Начав преподавать в Московском университете, Владимир Карлович одновременно стал готовиться к магистерским экзаменам. Лето 1908 года он снова провел в Англии, работая главным образом в Библиотеке Британского музея. Есть большая вероятность, что именно там и тогда он делал выписки, которые впоследствии использовал для написания очерка «Пират королевы Елизаветы». Следующим летом Мюллер поехал в Германию, в Гейдельбергский университет, где слушал лекции по английской и романской филологии.

Читая лекции по истории английской и французской литературы в МГУ, В. К. Мюллер получил звание приват-доцента, затем доцента, а в 1918 году — профессора.

Оставаясь в штате Московского университета, Владимир Карлович, по его выражению, «примкнул» к организованным в 1919 году Высшим педагогическим курсам иностранных языков при Наркомпросе. На этих курсах Мюллер не только преподавал, но и в течение нескольких лет был членом Правления, принимая «самое близкое участие в организации и руководстве этим учреждением».

Всё это время он не прекращал преподавания на Высших женских курсах. В 1918 году они были переименованы во 2-й МГУ, а в дальнейшем — в Московский государственный педагогический институт (ныне МПГУ), где сложилась сильная лингвистическая школа.

Владимир Карлович писал в автобиографической справке: «Деятельность свою в этом учреждении (Педагогические курсы, позднее 2-й МГУ) считаю наиболее плодотворной по непосредственно-практическим результатам во всей моей жизни: именно здесь за 11 лет выросло то поколение англистов, которое теперь работает по английскому языку в большинстве московских вузов, втузов, в некоторых школах и переводчиками на фабриках и заводах».

В 1915 году (предположительно) Владимир Карлович женился на своей бывшей студентке Александре Петровне Гнеушевой, окончившей в том же году историко-филологический факультет Московских высших женских курсов сразу по двум специальностям — история искусства и история западноевропейской литературы. Впоследствии Александра Петровна выросла в видного ученого — искусствоведа и литературоведа, но, в отличие от мужа, стала не преподавателем, а музейным работником. Сферой ее научных интересов была история жизни и творчества иностранных художников в России.

В. К. Мюллер активно откликнулся на предложения читать лекции и в других учебных заведениях: на Высших историко-филологических и юридических женских курсах В. А. Полторацкой в Москве (1912–1918), в Московском городском народном университете имени Л. А. Шанявского (предположительно 1918–1920), в Обществе народных университетов (на публичных курсах в Москве и Нижнем Новгороде), в Военно-педагогическом институте (1919–1921), в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (Ранион, 1925–1926) и других. Хотя Мюллер и пишет, что его связь с этими учебными заведениями была «не столь прочной», один их перечень говорит о том, как много сил и времени он отдавал педагогической работе и насколько востребованным преподавателем он был.

Этот же период ознаменовался интенсивной научной работой: в 1920-х годах Мюллером написаны десятки статей по английской литературе для энциклопедического словаря «Гранат», литературной энциклопедии издательства Френкеля, Большой Советской энциклопедии, а также и другие научные статьи, рецензии, комментарии. В 1925 году им были опубликованы сразу две те книги, материал для которых он, по всей вероятности, собирал в 1904–1905 и 1908 годах в Англии: монография «Драма и театр эпохи Шекспира»⁵ и исторический очерк «Пират королевы Елизаветы»⁶.

В 1925 году В. К. Мюллер получил приглашение на работу в Ленинградский университет, где на тот момент даже не было специальной кафедры английской филологии. Точные причины того, почему он принял это приглашение, отказавшись от преподавания в МГУ и других учебных заведениях, где он работал с таким энтузиазмом, неизвестны. Как бы то ни было, летом 1926 года супруги переехали в Ленинград.

Но, несмотря на это решение, Мюллер не прервал работу в любимом им 2-м МГУ и еще в течение ряда лет совмещал работу в Ленинградском университете с поездками в Москву, куда ездил раз в две недели. Это были нелегкие поездки, учитывая, что в ту пору самый скорый поезд преодолевал расстояние между двумя городами за 12 часов, а другие поезда шли еще дольше, вплоть до суток. Каждый раз ему требовалось провести в Москве «ударный» курс занятий, покрывающий двухнедельную программу, а затем надо было отправляться в обратный путь. И так каждые две недели, по пятнадцать поездок в год на протяжении четырех лет — с 1926 года по 1930-й. В этот период работу Владимира Карловича во 2-м МГУ можно без оговорок назвать подвижнической.

Ленинградский университет в те годы переживал бурный период перестройки. То и дело открывались, закрывались и реформировывались факультеты, отделения, кафедры. Сначала Мюллер был зачислен доцентом на факультет языковедения и материальной культуры, потом оказался на факультете общественных наук, в рамках которого имелось этнолого-лингвистическое отделение. Позже выделился историко-лингвистический факультет, а при нём в 1929 году

⁵ М.-Л.: Academia, 1925. Монография публикуется в настоящем издании.

⁶ Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925.

была создана первая в ЛГУ, как пишет В. К. Мюллер, «английская кафедра», которую он и возглавил (как тогда говорили — занял). Через год факультет был преобразован в самостоятельный Историко-лингвистический институт, а тот в 1933 году — в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Но уже в 1936/37 учебном году институт закрыли и снова слили с ЛГУ. Теперь местом работы В. К. Мюллера стал и уже до его кончины оставался филологический факультет ЛГУ.

Как пишет в своих воспоминаниях Дмитрий Сергеевич Лихачев, в 20-е годы XX века Ленинградский университет «представлял собой необыкновенное явление в литературоведении». Общих курсов лекций студентам не читали, поскольку считалось, что такие лекции мало что могут дать, и общие курсы надо было сдавать по книгам. Зато процветали различные курсы маститых профессоров на частные темы, на которые студенты записывались по желанию. Некоторые лекторы излагали свой материал как научные сообщения, и на их лекции приходили не только студенты, но и видные ученые. В те годы на факультете преподавали В. М. Жирмунский, Л. В. Щерба, Е. В. Тарле, многие другие подлинны корифеи и среди них — Владимир Карлович Мюллер, который вел семинары по Шекспиру.

Д. С. Лихачев, посещавший эти семинары, пишет, что, как и другие профессора, Владимир Карлович обращался со студентами как с коллегами. Это, по словам Дмитрия Сергеевича, «подтягивало». О том, что курс Мюллера глубоко увлек его, говорит хотя бы тот факт, что одну из своих двух дипломных работ Лихачев посвятил теме «Шекспир в России в конце XVIII — начале XIX в.».

До начала XX века английским языком — сравнительно с другими языками, особенно французским и немецким, — в России владел довольно узкий круг людей, специалистов по этому языку было мало. В. К. Мюллер стремился всеми силами восполнить этот пробел и фактически создавал одну из школ отечественной англистики. Поэтому он как никто другой понимал, что в изучении и преподавании английского языка на должном уровне одну из главных ролей призваны сыграть двуязычные словари.

Дело было не только в том, что прежние словари устарели и обиливали ошибками. С войнами и революциями произошла смена эпох: изменились политическая система и господствующая идеология, радикальному перелому подвергся образ жизни людей, и, разумеется,

вместе со всем этим преобразились речь и язык. Как следствие, понадобились совершенно новые словари. В этих условиях Владимиру Карловичу Мюллеру не оставалось ничего другого, как самому заняться их написанием. Его глубокие знания, блестящая эрудиция и — позволим себе сказать — природная немецкая обстоятельность гарантировали, что это будет сделано в соответствии со строгими научными принципами.

Вот что писал В. К. Мюллер в автобиографической справке: «С 1927 г. непрерывно работаю (в сотрудничестве с С. К. Боянусом) над английскими словарями, выпускаемыми Словарно-энциклопедическим издательством».

Соавторство Владимира Карловича Мюллера и Семена Карловича Боянуса оказалось чрезвычайно плодотворным: всего через год после начала совместной работы, в 1928 году, ими был выпущен англо-русский словарь объемом около 65 печатных листов, а еще через два года, в 1930 году — русско-английский словарь объемом 72 печатных листа. Это почти невероятные темпы, учитывая к тому же, что на обоих филологах лежала преподавательская нагрузка, а Мюллер еще и регулярно ездил в Москву.

При этом качество их словарей было очень высоким, их одобрительно встретили рецензенты как в советской, так и в иностранной прессе. Спрос на словари Мюллера и Боянуса оказался так велик, что почти сразу после выхода их стали переиздавать, и каждое новое издание авторы подвергали, как пишет В. К. Мюллер, «новому пересмотру, исправлению и расширению».

В 1930 издательство пришло к решению, что, помимо словарей среднего объема, читателям нужен и более полный словарь. Мюллеру предложили разработать проспект «Большого англо-русского словаря» и приступить к его подготовке на основе расширения среднего словаря. Владимир Карлович согласился на это и... просто завалил себя работой. Ему, судя по его заметкам, хотелось создать филологический словарь в том революционном для эпохи, а ныне уже классическом формате, какой был задан Оксфордским словарем (Oxford English Dictionary) 1928 года, основанным на исторических принципах и на использовании классической английской литературы.

Путь лексикографа оказался тернист. На те сложности, что вытекали из большого объема поставленной задачи, наслаивались внешние проблемы: меняющиеся требования издательства, его

реорганизации, вмешательство некомпетентных лиц, идеологическая цензура. Как писала В. К. Мюллеру в 1934 году дружески настроенная к нему редактор, «очень неприятно работать, зная, что работать хорошо нельзя». (Подробно о перипетиях работы над Большим англо-русским словарем рассказывается в моем очерке «Открывая Мюллера», к которому я и отсылаю читателя.) В 1937 году из страны эмигрировал соавтор Мюллера, С. К. Боянус.

Проблемы и разногласия привели к тому, что издательство расторгло договор с Мюллером на написание Большого словаря (этот проект потом был реализован под руководством профессора И. Р. Гальперина только через три с половиной десятилетия, но в основу его всё равно лег словарь Мюллера). Возможно, лично для Владимира Карловича расторжение договора было и к лучшему, потому что силы его были к тому моменту подорваны. «Напряженная, пристальная работа особенно над этим последним трудом, — писал он в 1935 году, — в связи с громадной преподавательской нагрузкой, которую я нес в 1926–30 годах..., вызвали у меня сильное переутомление и хроническое нарушение сна. Достаточно сказать, что я не отдыхал летом с 1926 года. За последние два года я стал резко уставать».

В. К. Мюллер стал ходатайствовать о назначении ему академической пенсии. Кроме необходимости снизить нагрузку и поправить здоровье, причиной ходатайства Мюллера о пенсии было и желание высвободить себе время для научной работы:

«За мою жизнь у меня накопилось много материалов (отчасти архивных) и наблюдений, которые я не имею времени обработать; есть и ряд курсов, которые можно, а один из них (введение в английскую филологию) необходимо издать, так как на русском языке нет ни одного учебника по этому предмету. Я хочу также довести до конца широко задуманную работу по истории наших культурных связей с Англией. Этой возможности я лишен теперь, не имея свободного времени».

Увы, эти идеи Владимиру Карловичу не удалось воплотить в научные труды и учебники. Но с выходом на академическую пенсию (которая, по всей вероятности, была ему предоставлена) у него, очевидно, высвободилось время, которое он смог посвятить своему монографическому исследованию «Пушкин и Шекспир». К счастью, он смог закончить эту работу и довести рукопись до высокой степени готовности прежде, чем словарная работа вновь поглотила его силы.

В начале 1939 года издательство заключило с Мюллером новый договор на «Англо-русский словарь» среднего объема. Редакция в лице ее нового заведующего обязалась учесть все требования автора. Владимир Карлович разработал для этого словаря новую техническую инструкцию, создав стройную и в ряде отношений новаторскую лексикографическую систему.

Издательство хотело издать словарь в октябре 1940 года (к годовщине Октябрьской революции), но Мюллер не уложился в сроки. Срок сдачи рукописи перенесли на декабрь, но и этот срок не был выдержан... Как бы то ни было, в первой половине 1941 года рукопись была в основном закончена.

22 июня 1941 года, как известно, грянула война, а в ноябре Ленинград оказался в блокаде. О том, каким страшным испытанием стала блокада для жителей города, погибавших от холода и голода, очевидцами, историками и писателями написаны многие и многие книги, и в этой статье вряд ли имеет смысл что-то из них пересказывать. Владимир Карлович Мюллер и его жена Александра Петровна оставались в городе. Детей и близких родственников у них не было. Немолодые супруги не пережили блокадной зимы: предположительно в декабре 1941 года оба они скончались.

Богатая библиотека Мюллеров, а также найденные в их квартире письма и документы в феврале 1943 года были переданы в Государственную публичную библиотеку — последнее место работы Александры Петровны. В том же 1943 году вышел из печати «Англо-русский словарь» В. К. Мюллера — его лебединая песнь и труд, прославивший его имя.

Неопубликованные труды Владимира Карловича Мюллера и главная жемчужина среди них — рукопись монографии «Пушкин и Шекспир» — остались в архиве.

Они дожидались там своего читателя, пережив несколько поколений. Они дождались его в наши дни.

Д. И. Ермолович,

доктор филологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета